

Языковая игра как лингвистическая рефлексия: непрямая коммуникация в зеркале языковой игры

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ
(Саратов)

Лингвистами давно уже отмечено, что язык в целом и отдельные языковые явления отражаются в шутках, анекдотах и других типах языковой игры (Карасик 1997: 145; Норман 2000: 9; Lew 2000; Müllerová 2000; Radomska 2000). Языковая игра позволяет четче определить норму и отметить многие особенности явления, которые могли бы остаться незамеченными.

Неоднократно предпринимались попытки извлечь из языковой игры лингвистически содержательные выводы, исследовать отражение языковых и речевых явлений “в кривом зеркале языковой игры” (по выражению В.З. Санникова).

Так, в книге К.Ф. Седова *Основы психолингвистики в анекдотах* (Седов 1998) анекдоты служат иллюстрацией к положениям психолингвистики (ранее изложенным К.Ф. Седовым совместно с И. Н. Гореловым в книге *Основы психолингвистики* (Горелов, Седов 1997)).

Например, цикл анекдотов о прапорщиках может иллюстрировать положение о нетождественности мысли и речи (*Идите быстрее снег убирать, а то растает; Это вам чревато боком; Не делайте умное лицо, не забывайте, что вы будущий офицер и т. п.*). Смеховой эффект многих анекдотов строится на основе игры категориями текста в речевой деятельности, например, при сохранении связности текста может произойти нарушение его целостности: *Летят два крокодила: один красный, другой – налево. Спрашивается: сколько лет пьяному ежику? Ответ:*

“А зачем мне холодильник, если я не курю?” (Седов 1998).

В смеховых произведениях отражаются основные прецедентные тексты данного общества. По мнению Г.Г. Слышкина, этот факт позволяет осмыслить целый ряд аспектов прецедентности, например, прецедентность авторства и названия:

- Что унаследовала Германия от Маркса?
- Восточная – коммунистический манифест, Западная – капитал

(Слышкин 2000: 62).

Пожалуй, наиболее заметным и убедительным исследованием в этом направлении стала книга В.З. Санникова *Русский язык в зеркале языковой игры* (Санников 1999). Эта книга построена в соответствии с уровнями обыгрываемых явлений: в главе *Морфология* речь идет об обыгрывании морфологических явлений (*А вам нет делов, что мы не знаем надеждов*), в главе “Синтаксис” – об обыгрывании синтаксических явлений (модели управления: – *Папаша, – ответил Король пьяному отцу, – пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей* (И. Бабель *Одесские рассказы*); темо-рематическая структура: – *Ты женишься на мне, потому что я унаследовала от тети Норы виллу? – Что за чушь? Я женился бы на тебе, от кого бы ты ее ни унаследовала*; синтаксическая омонимия: [Мальчика спрашивают о его сестре]: – *Что же твоя Иршика с петухами ложится? – Она с петухами не ложится – они клюются: она одна в свою кроватку ложится* (К. Чуковский *От двух до пяти*)) (Санников 1999: 93-141).

Таким образом, в лингвистике уже сложилась традиция иллюстрировать и объяснять различные теоретические положения при помощи языковой игры. Мы придерживаемся данной традиции. Настоящая статья посвящена отражению в зеркале языковой игры одного из малоизученных лингвистических феноменов – не прямой коммуникации.

Термином *непрямая коммуникация* (НК) мы называем содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания не вытекает непосредственно из смыслов, содержащихся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. Для того чтобы вывести итоговый смысл высказывания, коммуникантам оказывается недостаточно одних правил языка.

Противопоставление прямой (опирающейся только на систему языковых значений и значимостей) и не прямой коммуникации является

глобальным принципом организации человеческого общения. Отношение НК к прямой коммуникации можно охарактеризовать следующим образом:

- НК исторически предшествует прямой коммуникации. Язык возникает как ответ на появившуюся потребность людей в коммуникации более “прямой”, конвенциональной, чем НК, в более эффективном и точном обмене смыслами. Развитие языка можно понимать как постепенное преодоление НК;

- НК присутствует в языке как общее семантическое начало (по Бенвенист 1974) и является своеобразной живой основой формальных и содержательных категорий языка. В целом НК сохраняется в языке в виде таких рефлексов, как языковая асимметрия, речетворчество, человеческий фактор и т. п.;

- существует своеобразный лингвокультурный концепт НК, получающий выражение на разных уровнях языковой системы.

Противопоставляются два основных типа НК.

Первый тип НК понимается как неизбежная неточность в передаче и приеме смыслов вследствие непредсказуемости коммуникации, интерпретативной деятельности слушающего, наконец, вследствие обращения к языку, насквозь пронизанному НК.

Второй тип НК используется сознательно, как прием, имеющий целью программировать интерпретацию адресата в направлении, желательном для адресанта. Это имитация НК, использование тех свойств языка и речи, которые являются НК в других условиях. Терминологически противопоставляем данные два типа как собственно непрямую коммуникацию и непрямую речь. (Подробнее см.: Дементьев 2000).

Итак, мы хотим извлечь из языковой игры содержательные выводы о НК.

НК широко отражена в языковой игре. Существуют целые циклы каламбуров, анекдотов, построенные на обыгрывании данного явления (например, циклы анекдотов о Штирлице, поручике Ржевском и др.). Однако исследователями данная часть языковой игры пока не выделялась. В частности, она оказалась практически непредставленной в книге В.З. Санникова.

Названный пробел в “игровой” лингвистической традиции имеет некоторые объективные основания, кроющиеся в самой природе НК, отношений между НК и ПК. Поясним данное утверждение.

Если понимать развитие языка как преодоление НК, то каждое конкретное языковое явление есть преодоление НК на определенном смысловом участке. Следовательно, любая лингвистическая рефлексия есть и рефлексия о НК, а точнее, – о способе ее преодоления (лексика и грамматика – преодоление непрямоты и неопределенности сообщения, повелительное наклонение глагола – преодоление неопределенности воздействия, категория направленности речи, формы обращения – преодоление неопределенности общения). Непрямую коммуникацию на этих участках можно понимать как ошибки в использовании средств преодоления непрямоты и неопределенности (то есть языковых средств), и тогда специальное акцентирование внимания на НК оказывается избыточным.

Поэтому юмористической рефлексией о НК является любое обыгрывание тех или иных языковых или речевых девиаций, например, фонетических:

В кабинет с надписью “Логопед” робко просовывает голову мужчина и спрашивает:

– Мона?

– Не мона, а нуна! – отвечает логопед.

Следует отметить, что НК и непрямая речь обыгрываются по-разному.

Ненамеренная неопределенность коммуникативных смыслов обыгрывается достаточно редко по только что названной причине. Иначе обстоит дело с непрямой речью: ситуации сознательного использования неопределенных средств для достижения каких-либо коммуникативных эффектов уже чрезвычайно удобная мишень для комического обыгрывания. Обыгрываются практически все аспекты непрямой речи: от ситуаций, обуславливающих употребление непрямой речи, языковых личностей, пригодных для этой роли, и т. д. – до конкретных причин и приемов обращения к средствам непрямого общения, сообщения и воздействия, косвенным речевым жанрам.

Особо следует подчеркнуть, что само явление языковой игры, безусловно, относится к непрямой речи. Ср. описываемый в психологии восприятия “эффект обманутого ожидания”, который считается важнейшим свойством языковой игры. Слушатель заманивается на ложный путь, а потом маска сбрасывается (фаза “озарения” и комической радости). А. Бергсон подчеркивал, кроме того, редуцированность шутки: в шутке есть исходная точка и вывод, без промежуточных звеньев. Это

обеспечивает внезапность перехода и, тем самым, большой комический эффект (Санников 1999: 21).

Приведем несколько примеров.

Мужчина заходит с дамой в гостиницу. Портье спрашивает его:

– Это ваша жена, или кто?

– Или кто.

В анекдоте воспроизводится ситуация языковой игры. Ответная реплика *Или кто* требует осложненной интерпретативной деятельности портье, следовательно, это непрямая коммуникация. Но такая же интерпретативная деятельность осуществляется реальным адресатом анекдота, который выводит такое же комическое содержание, как и персонажи анекдота. Реплика *Или кто* с таким же комическим содержанием может быть произнесена в иной коммуникативной ситуации.

Разговаривают две подруги.

– Ты знаешь, мужчины всегда хотят иметь жену глупее себя.

– Тебе в этом признался твой муж?

– Нет, твой.

Вопрос *Тебе в этом признался твой муж?* содержит косвенное оскорбление, как и ответ *Нет, твой*, когда они произносятся после утверждения *Мужчины всегда хотят иметь жену глупее себя*. Эти реплики, как и в предыдущем примере, требуют осложненной интерпретативной деятельности от адресата-персонажа и от реального адресата анекдота. Комический смысл, выводимый ими обоими, также почти совпадает. Но, конечно, адресат анекдота сам не является объектом оскорбления.

В целом вышучивание одного из персонажей относится к распространенным приемам комизма. Некоторые разновидности НК заставляют человека вывести унижающий его не прямой смысл:

Муж обнаруживает в постели своей жены любовника. Кричит в бешенстве:

– Что вы здесь делаете!?

– Вот видишь, я же говорила, что он дурак.

Адресант НК, в отличие от прямой коммуникации, не может быть уличен в том, что имел в виду именно те смыслы, которые вывел адресант. Поэтому, строго говоря, невозможно точно разграничить сознательно и бессознательно осуществляемое вышучивание. Часто это вообще безразлично для общего комического эффекта:

По улице еле-еле идет старый Рабинович. Ему кричат:

– Рабинович, как ваше здоровье?

– Не дождетесь!

Комический смысл может быть выведен адресатом анекдота и в том случае, если он не имеется в виду персонажами. Например, в случае конситуативного высказывания смысл, передаваемый и принимаемый персонажами анекдота, не является прямым:

На конкурс скрипачей “Скрипка Паганини” от нашей страны были посланы двое музыкантов. Один занял второе место, другой – пятнадцатое.

Возвращаются в поезде. Тот, который занял второе место, грустный, тот, который пятнадцатое, – веселый. Второй успокаивает первого:

– Ну что ты печалишься. Посмотри на меня: я пятнадцатое место занял, а совсем не расстроился.

– Понимаешь, для меня скрипка Паганини – это, ну, вот как для тебя – пистолет Дзержинского.

Разговор в постели.

– И зарплата у тебя тоже маленькая!

Аспекты НК, которые становятся источником комического эффекта, чрезвычайно многочисленны. Обыгрываются практически все аспекты НК и не прямой речи.

1. Начнем с примеров обыгрывания наиболее значимого свойства НК, каковым мы считаем смысловую осложненность коммуникативных средств, требующих от адресата дополнительной интерпретативных усилий, иногда весьма значительных.

– Куда повесить эту картину? – спрашивает муж.

– Вон на ту стенку. Молоток, гвозди лежат на столе; йод и бинт в аптечке, а я пошла в магазин.

В купе поезда едет пожилой раввин. На верхней полке попутчик – молодой человек. Перед сном попутчик спрашивает раввина:

– Извините, который час?

Раввин, не говоря ни слова, отворачивается к стенке и засыпает.

Утром поезд подходит к Харькову. Оба пассажира готовятся к выходу. Раввин смотрит на часы и говорит:

– Молодой человек, вы спрашивали который час. Так вот сейчас половина девятого.

– Странно, а почему же вы промолчали вчера?

– Видите ли, если бы я вам ответил, вы бы меня спросили, куда я еду. Я бы ответил, что в Харьков. Вы бы сказали, что тоже едете в Харьков. И что вам там негде переночевать. Я бы, как добрый человек, пригласил вас к себе. А меня дочь на выданье. Вы бы ее наверняка соблазнили, и вам бы пришлось на ней жениться.

– Ну и что?

– Так вот я подумал: а зачем мне зять без часов?

Ср. анекдот, приводимый З. Фрейдом:

Два еврея встретились в вагоне поезда. На вопрос первого “Куда едешь?” второй отвечает: “В Лемберг”, и когда он в Лемберге собирается выходить, первый кричит: “Какой же ты лгун! Ведь ты сказал, что едешь в Лемберг, чтобы я подумал, что ты едешь в Краков, а ты, оказывается, едешь в Лемберг! Зачем ты меня обманул?”

“Будет ли правдой, – пишет З. Фрейд, – если человек описывает вещи такими, какими они суть, и не заботится о том, как слушатели воспримут сказанное? Или это только иезуитская правда? И не состоит ли истинная правдивость скорее в том, чтобы принять во внимание слушателя и способствовать тому, чтобы он получил верное отображение того, что знает сам рассказывающий?” (Фрейд 1925: 156).

2. *Обыгрывание ситуаций НК, где интерпретация слушающего не опирается или почти не опирается на текст, произносимый отправителем:*

Švejk [...] stal s takovým důrazně nevinným obličejem, že nadporučík sklopil oči, a dívaje se na koberec, řekl něco, co bylo beze vší spojitosti se Švejkovou poznámkou o pitomém hejtmanovi: – Ano, u mne musí být pořádek, čistota a nesmí se mně lhát. Miluji poctivost. Nenávidím lež a trestám ji bez milosti, rozumíte mně dobře?

– Poslušně hlásím, pane nadporučíku, že rozumím. Není nic horšího, než když člověk lže. Jak se začne zaplítat, tak je ztracenej. V jedný vesnici za Pelhřimovem byl nějakaj učitel Marek a ten chodil za dcerou hajnýho Špery a ten mu dal vzkázat, že jestli se bude s holkou scházet v lese, že mu, když ho potká, pusti do zadnice z ručnice štětiny se soli. Učitel mu dal vzkázat, že to není pravda, ale jednou zas, když se s holkou měl sejít, tak ho ten hajnej natrefil a už chtěl na něm udělat tu voperaci, ale von se vymlouval, že prej sbírá květinčky, potom zas, že šel chytat nějaký broučky a zaplítal se čím dál tím víc, až nakonec vodpřisáhnul, jak byl celej ulekanej, že šel klást voka na zajíce. Tak ho milej hajnej spakoval a vedved na četnickou stanici, vodtamtud to šlo k soudu a učitel byl by býval málem zavřenej. Kdyby byl řek holou pravdu, tak dostal pouze ty štětiny se soli. Já jsem toho mínění, že je vždycky nejlepší se přiznat, být vtevřenej, a když už něco provedu, přijít a říct: ‘Poslušně hlásím, že jsem proved tohle a tohle’. A co se týká tý poctivosti, je to vždy moc hezká věc, poněvadž s ní člověk vždycky nejdál dojde. Jako když jsou ty závody v chůzi. Jak začne fixlovat a běžet, už je distancovanej. To se stalo mýmu bratranci. Poctivej člověk je všude váženej, ctěnej, spokojenej sám sebou a cítí se jako znovuzrozenej když jde ležet a může říct: ‘Dneska jsem byl zase poctivej’.

Mezi tou řečí nadporučík Lukáš seděl již dlouho na židli, dívaje se Švejkovi na boty, a myslil si: “Můj bože, vždyť i já často stejně mluvím takové blbosti a rozdíl je jen ve formě, kterou podávám”.

Nicméně, nechtěje ztratit svou autoritu, řekl, když Švejk skončil:

– U mě musíte si čistit boty, mít svou uniformu v pořádku, knoflíky správně přišité... (J. Hašek *Osudy dobrého vojáka Švejka*).

Постоянно повторяющиеся реплики демонстрации лояльности и услужливости Швейка (*Poslušně hlásím, pane nadporučíku, že rozumím; Já jsem toho mínění, že je vždycky nejlepší se přiznat, být vovetřenej, a když už něco provedu, přijít a říct: 'Poslušně hlásím, že jsem proved tohle a tohle'. A co se týká té poctivosti, je to vždy moc hezká věc, poněvadž s ní člověk vždycky nejdál dojde*) фиксируются поручиком Лукашем как типичные “пустые” стереотипы, выполняющие одну парольную функцию и не рассчитанные на интерпретацию. Длинный рассказ Швейка как будто тематически связан с актуальной ситуацией. Почему Лукаш воспринимает его как *blbosti* ‘дуць’? Потому что истинное содержание рассказа точно такое же, как стандартные реплики типа *poslušně hlásím*. Он тоже используется в парольной функции. Цель, которая стоит перед Швейком, – заверить нового начальника в своей полной лояльности. Для этого мало кратких реплик из военного устава. Швейку надо привести доказательства того, что он искренне верит в необходимость честности по отношению к начальнику, что это – плод его собственного жизненного опыта и долгих размышлений. В качестве выражения согласия такое коммуникативное поведение гораздо более действенное средство. По такому же принципу бывалый солдат Швейк строит все свои разговоры с начальством, просто мастерски избегая возможных неприятностей. Лукаш, возможно, чувствуя, что является объектом манипуляции, совершенно не воспринимает содержание текста, которое, впрочем, и не имеет значения (*blbosti*). Таким образом, восприятие рассказа Швейка поручиком Лукашем представляет собой практически полную отмену его содержания.

3. В связи с этим можно выделить языковую игру “от противного”. В ней обыгрывается неоправданно осложненная интерпретативная деятельность адресата, который ищет НК (намекы, эвфемизмы) там, где их нет:

Муж жене:

– Дорогая, по-моему, ты не права.

– Я не права?! Ты хочешь сказать, что я вру? То есть брешу? Значит, я собака?..

Мама! Он меня сукой назвал!

Секретарь обкома звонит председателю колхоза:

– Иваныч, как у тебя с картошкой?

– Да хреново!

– Эх, Иваныч, зачем приукрашиваешь? Говори уж как есть.

4. Иногда объектом комического отражения становятся неумение выразиться ясно, неуклюжие способы говорения, затрудняющие восприятие адресата или направляющие его по ложному пути:

Разговор влюбленных:

- Дорогой, а правда, что мои глаза сияют, как изумруды?
- Конечно.
- А правда, моя кожа нежная, как лепесток лотоса?
- Да.
- А волосы золотые, как закат над швейцарскими Альпами?
- Угу.
- Ах, как я люблю, когда ты говоришь мне такие красивые и романтичные слова!

5. Обыгрывание формальной сложности НК¹:

Обыгрывание ситуации, когда о чем-то говорится "издалека", при помощи длинных "предисловий":

Жена звонит мужу из другого города.

- Как там моя кошечка?
- Сдохла.
- Какой ужас! Ты должен был сначала подготовить меня: вот, сидит на крыше. А потом упала и разбилась. А как моя мама?
- Сидит на крыше.

Обыгрывание риторических просьб:

Нищий заходит в булочную, спрашивает у продавца:

- У вас булочки свежие?
- Свежие.
- Правда, свежие?
- Правда.
- А с изюмом есть?
- Есть.
- А изюм свежий?
- Свежий.
- Подайте, Христа ради, булочку.

6. Обыгрывание различных аспектов непрямого сообщения (эвфемизмы):

Брежнев и Картер решили устроить соревнование по бегу. Естественно, первым прибежал Картер, вторым пришел Брежнев. Американская пресса писала: "В

¹ Впрочем, формальная сложность НК малохарактерна для нериторических речевых высказываний.

соревнованиях по бегу Картер прибежал первым, Брежнев – вторым”.

Советская пресса: “Леонид Ильич занял почетное второе место, Картер пришел предпоследним”.

7. Обыгрывание аспектов непрямого воздействия. Отметим, что не прямое воздействие может представлять собой НК и не прямую речь, обуславливая соответственно непрограммируемую и программируемую интерпретацию:

а) не прямое воздействие как НК, требующее от адресата “трудной” интерпретации неопределенного пожелания:

После кораблекрушения петух и лиса плывут по морю, и вдруг лиса говорит: “Петя, не пыли, пожалуйста”. Петух отплыл подальше, но лиса всё еще недовольна: “Петя, я еще раз тебя прошу, пока по-хорошему: не пыли”. Петух подплыл к лисе и закричал: “На, ешь, только душу не тяни!”.

В *Мастере и Маргарите* М. Булгакова метрдотель Арчибальд Арчибальдович обслуживает Коровьева и Бегемота (зная, с кем имсет дело) по высшему разряду, старается уловить и “домыслить” их невысказанные желания по своему разумению:

Он <Арчибальд Арчибальдович> лично отодвинул стул от столика, приглашая Коровьева сесть, мигнул одному, что-то шепнул другому, и два официанта засуетились возле новых гостей [...] Немедленно исчезла со столика старая скатерть в желтых пятнах, в воздухе, хрустя крахмалом, взметнулась белейшая, как бедуинский бурнус, другая, а Арчибальд Арчибальдович уже шептал тихо, но очень выразительно, склоняясь к самому уху Коровьева:

– Чем буду потчевать? Балычок имею особенный... у архитекторского съезда оторвал...

Те же просят об угощении, можно сказать, крайне косноязычно и невразумительно:

– Вы... э... дайте нам вообще закусочку... э... – промычал Коровьев, раскидываясь на стуле.

б) не прямое воздействие как не прямая речь. Здесь могут обыгрываться различные аспекты программируемой и непрограммируемой интерпретации адресата, например, дополнительные умственные усилия, которые должен приложить адресат для восприятия побуждения, выраженного средствами НК.

Обыгрывание чрезмерного стремления угодить начальнику, когда сигналы непрямого воздействия прочитываются в действиях, не являющихся ими:

- Co sądzicie o nowej powieści Zbysława Szproty? – spytał minister.
- Nową powieść Szproty uważam za dobrą, ministrze – odpowiedział krytyk.
- Minister pokręcił głową.
- To jest, w pewnym sensie dobrą – poprawił się krytyk.
- Minister pokręcił głową.
- W pewnym sensie dobrą, to znaczy dla wąskiej grupy kawiarnianych intelektualistów.
- Minister pokręcił głową.
- Raczej dla publiczności o niewybrednym guście, źle się wyraziłem.
- Minister pokręcił głową.
- A w ogóle to zła powieść, panie ministrze.
- Minister pokręcił głową.
- Przy czym nie należy jej całkowicie potępiać.
- Minister pokręcił głową.
- Strasznie niewygodny ten kołnierzyk – powiedział. (St. Grodzicńska *Krytyk i minister*).

8. НК как непрямоe общение (обращение).

Могут обыгрываться, например, не прямые обращения одновременно ни к кому и ко многим, используемых в надежде, что на них откликнется как можно больше людей:

- Отец всех троих своих сыновей назвал Иванами. Думает: будет нужно что-нибудь, позову: “Иван!” – и все трое явятся на зов.
- Вот раз зовет:
- Иван!
- Старший сын говорит младшему:
- Не слышишь, что ли, отец зовет.
- Младший встал – и за порог:
- Сейчас, папа, я его позову.
 - Кого?
 - Ивана, ты ведь его звал.

Ср. также обыгрывание имени *Эмма* для жены и собаки в *Летучей мышке* И. Кальмана.

9. В языковой игре могут быть отражены и менее очевидные аспекты НК. Так, нередко обыгрываются различные аспекты этикетного поведения, “правила приличия”, требующие обращения к неопределенным средствам общения:

- В Одессе встречаются двое:
- Ну как?
 - Восемь.
 - Что “восемь”?
 - А что “ну как”?

Эта тема широко представлена в цикле анекдотов о поручике Ржевском. Герой (которого можно назвать озорником, развратником, грубияном, циником) постоянно комически профанирует “светские”, “цивилизованные” претензии своих собеседников:

Однажды едут в купе светская дама, юный граф, корнет и поручик Ржевский. Дама ненароком рыгнула. “Прошу меня извинить, господа, – сказал граф, – эти устрицы за обедом...” Через полчаса дама достаточно громко пукнула. “Приношу свои извинения, – говорит корнет, – этот бифштекс...” Ржевский выходит покурить и говорит: “Господа! Если наша дама ненароком в моё отсутствие обоср..., прошу отнести это на мой счёт”.

Однажды поручик Ржевский катал на лодке одну даму.

– Мадам! Хотите, я врежу вам сейчас веслом по ж...?

– Нет, а что?

– Да так... Разговор хотел как-то начать...

10. Косвенное оскорбление (колкость):

– Когда я выйду замуж, это будет черный день для многих моих поклонников.

– Не думаю: ты же не можешь выйти замуж сразу за всех.

– Мой муж обычно закуривает только после хорошего обеда.

– Ну, две-три сигареты в год ему не повредят...

Терапевт решил посмеяться над ветеринаром.

– Правда, что ты доктор для скотины?

– Правда, а что у вас болит?

– Черт возьми, темно, как у негра в ж...!

– Везде-то вы побывали, Василий Иванович!

11. Косвенная угроза:

Старого ковбоя спрашивают:

– Как тебе удалось найти такую хорошую жену? За всю жизнь она ни разу не поссорилась с тобой, ни разу не возразила ни в чем.

– Дело было так. Когда мы с ней возвращались от священника, лошадь споткнулась. Я сказал: “раз!”. Через некоторое время она снова споткнулась. Я сказал: “два!”.

Когда лошадь споткнулась в третий раз, я вскопчил и застрелил ее.

– Ну и что?

– Жена спросила меня, зачем я это сделал. И я сказал: “раз!”

12. Обыгрывание косвенности во флирте²:

2 Семантику флиртового коммуникативного действия можно определить как косвенный комплимент, соответствующий “глубинной структуре”:

Комизм может заключаться в том, что не прямое предложение понимается “слишком хорошо”:

- Девушка, вас можно пригласить на чашку кофе?
- Можно, но обещайте в постели не курить!

Не прямое предложение может усматриваться даже в репликах, не являющихся им:

В магазине девушка выкладывает на столик перед кассой, чтобы заплатить за покупки, 1 батон хлеба, 1 йогурт, 1 шоколадку, 1 тюбик пасты и 1 зубную щетку.

Молодой симпатичный кассир говорит ей:

- Наверное, одна живешь...

Девушка кокетливо:

- А как ты догадался?
- Да уж больно ты страшная!

Парень с девушкой едут в автомобиле. Прекрасный летний день.

- Посмотри, – говорит он, – какая здесь высокая трава.
- На что ты намекаешь?!

Негативная реакция “приличной девушки” вызывает комический эффект потому, что ее интерпретация идет всё-таки в “неприличном” направлении. Часто это направление вообще единственно возможное:

Едут в купе спального вагона мужчина и женщина. Смотрят друг на друга.

Женщина спрашивает:

- Простите, о чем вы сейчас думаете?
- О том же, о чем и вы.
- Какой нахал!

13. Более подробного рассмотрения требует такой аспект не прямой коммуникации (непрямой речи), как вторичная знаковость. Это качество наиболее ярко проявляется в языковой игре – речь идет об обыгрывании в языковой игре самой языковой игры.

ФЛИРТ (FLIRT): Я говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю X.

Я думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю.

Я говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицо противоположного пола (Wierzbicka 1983: 129).

Следует отметить, что во флиртовой ситуации именно не прямая интерпретация часто оказывается более естественной и “простой”, чем интерпретация, опирающаяся на буквальное значение. Несоответствие этих двух типов интерпретации и обыгрывается в приведенных анекдотах.

Значительная часть языковой игры (например, анекдоты о поручике Ржевском) ориентирована на саму языковую игру, при этом языковая игра является во многих отношениях очень эффективным способом рефлексии о себе самой. (К сожалению, В.З. Санников, осуществивший наиболее широкое исследование языковой игры как источника лингвистической информации, нигде не говорит о том, что из языковой игры можно извлечь доброкачественную лингвистическую информацию о самой языковой игре.)

Конечно, мы не первые обращаем внимание на явление метаанекдота (квазианекдота). Например, О.А. Чиркова определяет квазианекдот как последнюю стадию анекдотической интерпретации материала: квазианекдоты – это “анекдоты об анекдотах, которые как бы осмысливают проделанную жанром творческую работу. В квази-ситуациях анекдот словно дает оценку собственной деятельности по переосмыслению, пародированию образцов” (Чиркова 1997: 7). К.Ф. Седов и Г.Г. Слышкин выделяют целый ряд анекдотов, построенных на обыгрывании той или иной анекдотической темы, ситуации рассказывания анекдота или манеры рассказывания:

- Судья выходит из зала заседания и хохочет.
- В чем дело? – спрашивает его коллега.
 - Анекдот слышал, ужасно смешной!
 - Расскажи!
 - Не могу: сам за него только что десять лет дал.

Ученые вложили в компьютер все анекдоты, чтобы выявить суперанекдот. Компьютер выдал:

“Уехал муж в командировку. К жене пришел любовник. Вдруг звонок в дверь. Жена открывает, на пороге негр и еврей – Петька с Василь Ивановичем:

– Леонид Ильич посылает нас на 27-й съезд” (Седов 1998: 17; Слышкин 2000: 66-67).

В последнем случае обыгрываются и некоторые структурные принципы анекдота – “беспроегрывные” темы, персонажи анекдотов и их сочетание.

Но в анекдоте может получить уникальное отображение целый ряд семиотических, прагматических и эстетических принципов комизма.

Семиотической основой анекдота многие исследователи считают содержательную двуплановость, проявляющуюся в ориентированности анекдота на два противоположных скрипта (“реальное ~ нереальное”,

“нормальное ~ неожиданное”, “возможное ~ невозможное”) (Raskin 1985: 25-26).

Многие диады, состоящие из противоположных скриптов, является традиционным объектом рассмотрения культурологии, антропологии, филологии³.

В прагматическом плане основной метаанекдота является обыгрывание неудач в рассказывании анекдота, вызванных прагматическими факторами. Чаще всего метаанекдот, меташутка – это чужая шутка, которая “не прозвучала” в данной коммуникативной ситуации, например:

Мужики собираются выпить. Один отказывается: дома жена строгая. Приятель советует: “Ты сделай, как я: когда прихожу домой навеселе, то говорю жене: «Выпил рюмочку винца для поднятия конца». Она сразу улыбается – и никаких

3 Здесь нельзя не вспомнить о диаде “верх ~ низ”, рассматриваемой в известных работах М.М. Бахтина по народной смеховой культуре. “Настоящий смех, – пишет М.М. Бахтин, – амбивалентный и универсальный, не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее. Очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности, от элементов страха или устрашения, от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной одноплановости и однозначности, от глупой истошности. Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершимой целостности бытия” (Бахтин 1990: 137). В основе карнавального мироощущения лежит смеховой катарсис. Карнавализация жизненного уклада приводит к установлению связей особого типа, в основе которых лежит отступление от правил и норм как социальных, так и моральных, этических. “Перед участником «карнавального действия», – отмечает В.И. Жельвис, – открываются возможности самого фамильярного обращения с наиболее священными понятиями и нормами, принятыми в коллективе. В обстановке такого действия в контакт могут вступать абсолютно «несочетаемые» предметы и символы, самые почитаемые вещи и явления могут оказываться в шокирующем соседстве с самыми профанными” (Жельвис 1997: 30-31). В.И. Карасик также говорит об очень важной для “смеховой культуры” социальной диаде “кристаллизация социальных отношений ~ критика, подвергающая сомнению всё, что становится устойчивым” (Карасик 1997: 145).

“Здоровый юмор”, “крестьянский юмор” и т. п. обыгрывает противопоставление системы “приличий” и “простонародной правды”, согласно которой порочно всё не опирающееся непосредственно на “здоровые инстинкты”. В ряде сюжетов анекдотов о поручике Ржевском это проявляется как противопоставление физиологической нормальности героя изощрённому эротизму его коллег:

Господа офицеры придумали оригинальную разновидность бильярда. Вместо луз у них были голые женщины, стоящие так, что при удачном ударе шар попадает ей аккурат между ног. Тогда игрок достаивается права поцеловать даме ручку.

И вот приходит поручик Ржевский, глядит на всё это дело да и говорит:

– Господа, а давайте-ка мы их вые...!

– Ну вот, пришёл поручик Ржевский и всё опошил... (см.: Ссдов 2000).

скандалов”.

Мужику это понравилось, он напился в дым, приходит домой и говорит жене:
– Жена, выпил бутылку водки и стою, как х...!

Рефлексия по поводу языковой игры, лингвистического эксперимента часто обыгрывается в цикле анекдотов о поручике Ржевском.

Поручик Ржевский собирается в офицерское собрание. Говорит денщику:

– Слушай, Ванька, расскажи мне какой-нибудь каламбур. Чтобы я мог поразить господ офицеров. Ну, например, из русской литературы.

– Вот, господин поручик, есть такой каламбурчик. “Пушкин пошел с другими дворянами на пикник. Захотел в туалет. Пошел в кусты и провалился в мох. Ему кричат: «Пушкин, ты где?» А он в ответ: «Во мху я по колено»”. Ну как – подойдет?

– Отлично, молодец!

Поручик приходит в офицерское собрание.

– Господа офицеры, позвольте каламбурчик. “Лермонтов пошел с друзьями в лес. Зашел в кусты и говорит: «Вот х... вам до колена!»”. Ну, каков каламбур?

Генерал услышал, решил этим каламбуром поразить коллег из генштаба. Приходит в генштаб.

– Господа генералы, я тут услышал в офицерском собрании отличный каламбурчик: “Литераторы пошли в лес погулять. А Гоголь залез на дерево и говорит: «Ну, не ё... твою мать!?»”

Однажды корнет решил рассказать своему приятелю, поручику Ржевскому анекдот:

– Поручик, хотите анекдот, этакий восхитительный каламбурчик в истинно народном духе? Представьте себе: зимний лес, избушка, подъезжает на санях мужик, стучит кнутовищем в дверь и кричит: “Яниха здесь живёт?” Дверь открывается, выходит этакий бородатый детина и говорит: “Яниху я не знаю...”

Анекдот поручику понравился, вечером в офицерском собрании он решил щегольнуть каламбурчиком в истинно народном стиле:

– Итак, господа: зимний лес, избушка, подъезжает мужик и орёт... Что же он орёт?

Ну что он может орать, этот мужик? “Здесь живёт Петрович?” – вот что он орёт...

Ну, понятное дело, дверь открывается, выходит этакий бородатый детина и говорит: “Петрович здесь не живёт, и пошёл бы ты отсюда на х...!”

Логика комического, присущая чужой языковой игре, в интерпретации героя оказывается иррационально трансформирована в антилогику комического абсурда. Эффект первоначальной языковой игры при этом полностью теряется, что само по себе является чрезвычайно смешным.

Можно привести много подобных примеров несохранения вторичной знаковости в шутке. Все они строятся по единой схеме, что позволяет нам не приводить анекдот целиком, а указывать лишь два наиболее значимых его элемента: собственно языковую игру (шутку,

каламбур, анекдот), выступающую объектом переосмысления, и ее неудачный пересказ (обычно Ржевским), в котором неприличный (сексуальный, скатологический и т. д.) смысл сохранен, но разрушена форма тонкого намека, который заменяется прямым и грубым текстом:

Стоит клипер, на клипере шкипер, у шкипера триппер → *Стоит баржа, вся команда больна сифилисом;*

Раз кондом, два кондом, я виконт де Бражелон → *Господа, вы все х..., а я д'Артаньян;*

Темно, как у негра где? → *Темно, как в ж... у кого?*

Несколько отличается от этих примеров загадка *Без окон, без дверей полна горница людей*. В ней неприличного смысла не предполагается, но рассказчик привнес его от себя, причем простодушно произнес разгадку: *Без окон, без дверей полна ж... огурцов*.

Конечно, настоящая статья не претендует на то, чтобы охватить все отражаемые в языковой игре аспекты непрямого общения. Скорее всего, столь сложное и универсальное явление имеет намного больше аспектов, чем намеченные нами. Возможно, некоторые из них выделяются на неизвестных нам принципах. Но нам кажется важным определить общее направление начального исследования НК, которое состоит в обращении к языковой игре как надежному высокоинформативному материалу. Возможно, те аспекты НК, которые еще не выделены, будут подсказаны именно языковой игрой.

Рассмотренный материал подтверждает осознаваемость явления НК носителями языка. Можно говорить о своеобразном концепте НК, содержащемся в каждой национальной речевой культуре. Он выражается, естественно, единицами разных уровней языка и речи, в том числе и через популярные в данной культуре комические тексты.

Литература

Бахтин М.М. 1990, *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, Москва.

Бенвенист Э. 1974, *Общая лингвистика*, Москва.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. 1997, *Основы психолингвистики*, Москва.

Дементьев В.В. 2000, *Непрямая коммуникация и ее жанры*, Саратов.

- Жельвис В.И. 1997, *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема*, Москва.
- Карасик В.И. 1997, *Анекдот как предмет лингвистического изучения. Жанры речи*. Саратов.
- Норман Б.Ю. 1987, *Язык: знакомый незнакомец*, Минск.
- Норман Б.Ю. 2000, *Лингвистика и юмор (вместо предисловия). Лингвисты шутят. Specimina philologiae slavicae. Bd. 126. München.*
- Санников В.З. 1999, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва.
- Седов А.Ф. 2000, *Разрешите представиться: поручик Ржевский! (анекдот с точки зрения традиций культуры)*, Балашов.
- Седов К.Ф. 1998, *Основы психолингвистики в анекдотах*, Москва.
- Слышкин Г.Г. 2000, *От текста к символу*. Москва.
- Фрейд З. 1925, *Остроумие и его отношение к бессознательному*, Москва.
- Чиркова О.А. 1997, *Поэтика современного народного анекдота*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Волгоград.
- Lew R. 2000, *Dowcip językowy w świecie najnowszych językoznawczych teorii humoru.* – Gajda S., D. Brzozowska (red.), *Świat humoru*, Opole.
- Müllerová O. 2000, *Smích jako výraz spolupráce a konfliktu v dialogické komunikaci – Świat humoru*. Opole.
- Radomska A. 2000, *Pleć psychologiczna a docenianie komizmu seksualnego – Świat humoru.*, Opole.
- Raskin V. 1985, *Semantic Mechanisms of Humor*, Dordrecht.
- Wierzbicka A. 1983, *Genry mowy. Tekst i zdanie. Zbiór studiów*, Wrocław.

Speech Game as Linguistic Reflection: Indirect Communication in the Mirror of the Speech Game

This article is devoted to the reflection in “the mirror of the speech game” of indirect communication. The following types of the speech game reflecting different aspects of indirect communication are presented, for example: reflecting mental complication of non-conventional means of speech, indirect communion, indirect report, indirect influence. Special attention was paid to the reflection of the speech game itself in speech game.